

Litera

Правильная ссылка на статью:

Жулидов С.Б., Золотова М.В., Костин А.Ю. — Инвариант и границы вариативности как показатели адекватности перевода (на материале современной американской прозы) // Litera. — 2023. — № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.9.39003 EDN: ZRWYEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39003

Инвариант и границы вариативности как показатели адекватности перевода (на материале современной американской прозы)

Жулидов Сергей Борисович

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 23

✉ 4131240@mail.ru

Золотова Марина Вианоровна

кандидат филологических наук

доцент, заведующая кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 23

✉ mviazolotova@gmail.com

Костин Алексей Юрьевич

ORCID: 0000-0002-6482-9534

преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 23

✉ kostin704@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.9.39003

EDN:

ZRWYEG

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2022

Аннотация: Объектом исследования является роман американской писательницы поры Робертс «Коллекционер». Авторы поставили цель детально разобрать параллельные отрезки романа на исходном языке и языке перевода, определить степень сохранения инварианта содержания исходного текста и допустимость введенных при переводе отклонений в виде вариативности в переведенном тексте и прямых искажений подлинника. Анализируется взаимосвязь инварианта содержания и его вариативность, неизбежно возникающая при переводе художественного произведения в силу лингвистических и экстралингвистических причин. Особое внимание обращается на случаи выхода за границы допустимой или «терпимой» вариативности. Авторы используют метод детального лингвистического разбора произвольных отклонений от оригинала, допущенных переводчиком как невольно (ошибочно), так и преднамеренно. Основная классификация примеров дана в зависимости от факторов, обуславливающих вариативность исходного текста или искажение его смысла, а также от эффективности тех или иных способов сохранения инварианта перевода. В большинстве случаев авторы предлагают собственные эквиваленты не переданных или искаженных отрывков подлинника в качестве приемлемых контекстуальных соответствий. Научная новизна исследования заключается в том, что анализ инварианта перевода на фоне его вариативности, а также явных искажений содержания подлинника проводится на примерах, отобранных из современного литературного произведения методом сплошной выборки, впервые. Актуальность работы определяется тем, что перевод романа, опубликованный одним из ведущих столичных издательств, содержит не просто вариативные отклонения от подлинника, а чрезмерное количество таких отклонений. Выдвигается положение о целесообразности членения допущенных недостатков в сохранении инварианта перевода, исходя из двух обуславливающих их факторов – лингвистических и экстралингвистических. Авторами делается вывод, что подобная избыточная вариативность при переводе романа на русский язык искажила общий смысл подлинника, изменила его семантику и стилистику.

Ключевые слова:

перевод, подлинник, инвариант, вариативность, адекватный, эквивалент, соответствие, семантический, стилистический, экстралингвистический

Перевод литературных произведений традиционно считается одной из наиболее наглядных, существенных и вместе с тем сложных и трудоемких разновидностей практического осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации. Основополагающими элементами художественного перевода как творческого процесса и как его материализованного результата в виде аналога подлиннику являются, во-первых, его создатели – автор, переводчик и, как правило, редактор перевода, и, во-вторых, непосредственно составляющие его единицы – экстралингвистические, обусловленные внешними по отношению к языковой и речевой системам, и собственно лингвистические, то есть, лексемы и их сочетания исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ), отобранные и актуализированные в таком эквивалентном и сбалансированном соотношении, которое достаточно для получения адекватного перевода. При этом основным критерием адекватности, по мнению большинства теоретиков переводоведения, является не полная идентичность исходного и переведенного текстов (ИТ и ПТ), которая недостижима в принципе, а максимальное сходство их восприятия читателями данного произведения на ИЯ и ПЯ. [\[1; 2; 3\]](#).

Именно соблюдение точно выверенной, разумной пропорции между этими двумя, на

первый взгляд, противоречащими друг другу требованиями к переводу – сохранение содержания ИТ (инварианта перевода) при допущении его логически объяснимых изменений (вариативности) – и является основным фактором, обуславливающим получение адекватного ПТ. В противном же случае, при несоблюдении этого принципа или его сознательном нарушении, ни о каком совпадении воздействия ИТ и ПТ на их читателей, разумеется, не может быть и речи.

Однако инвариант перевода, равно как и его вариативность, не являются константными и неизменными параметрами для всех разновидностей текстов и любой коммуникативной ситуации [4; 2; 5]. Поэтому применительно к художественному переводу мы будем придерживаться требований к сохранению его инварианта, в сущности, одинаковых, хотя и сформулированных по-разному, а также в весьма значительном для любой науки временному диапазоне. Например, таких:

«Инвариантом в переводе является общность семантического содержания оригинала и его перевода» – 1975 г. [6, с. 34].

«[...] на ПЯ создается текст, подобный оригинальному настолько, насколько это допускается расхождениями между двумя языками и культурами. [...] В данном случае инвариант перевода – комплексное образование, включающее в себя и особенности формы текста, и коммуникативно-релевантную информацию о содержании текста и, на вершине этого – функцию текста» – 2015 г. [2, с. 204].

Эти соображения разделяют, так или иначе, многие авторы как теоретических исследований [7; 8], так и аналитических обзоров переводческой деятельности, уже реализованной на практике [9; 10; 11].

Присоединяясь к приведенным выше положениям, а также к утверждению о том, что степень адекватности перевода, то есть, соотношение его инварианта и неизбежной, объективно обусловленной вариативности можно определить, только детально сопоставив подлинник и его перевод [1, с. 242], мы попытаемся по-своему свести воедино теорию и практику, рассмотрев и проанализировав ИТ и ПТ.

Целью данной статьи является детальный разбор параллельных отрезков романа на ИЯ и ПЯ, с тем чтобы определить степень сохранения инварианта содержания ИТ, а также допустимость введенных при переводе отклонений в виде вариативности ПТ и прямых искажений подлинника.

Для достижения поставленной цели мы считаем необходимым решить следующие **задачи**: 1. Определить лингвистические и экстралингвистические причины превышенной вариативности содержания и ее влияние на сохранение или нарушение инварианта перевода. 2. Разграничить случаи собственно вариативности и искажения содержания, а также их сравнительного воздействия на целостность инварианта перевода. 3. Выявить факторы, обусловившие нарушение инварианта перевода, указав на возможные способы их устранения, и предложить собственные соответствия в качестве приемлемых вариантов.

Объект исследования – американский роман [12] и его перевод на русский язык [13].

Предмет исследования – сравнение и детальный сопоставительный анализ отрывков оригинала и перевода, состоящих из одного или нескольких предложений или из отдельных слов и словосочетаний.

В целях оптимального восприятия читателями приводимого фактического материала и ориентирования в нем приводимые отрывки пронумерованы, а разбираемые единицы выделены жирным шрифтом. Все примеры делятся лишь на две группы, сформированные *ad hoc* в зависимости от того, какие факторы легли в основу вариативных изменений – лингвистические или экстралингвистические. Не являясь исчерпывающей, такая неполная классификация объясняется ограниченностью места, вызванной допустимым размером статьи.

Прежде чем приступить к изложению основной части статьи хотелось бы предварить его кратким пояснением. Нам это представляется если не необходимым, то, во всяком случае, полезным и небезынтересным.

Сначала один из авторов прочел эту книгу в оригинале. И только потом ему попался в руки ее опубликованный перевод. Получилось так, что поначалу, знакомясь с романом, он смотрел на него как бы непредвзятым взглядом обычного читателя, а вот затем – уже сугубо «предвзятым», то есть, профессиональным. Читая вроде бы и то же самое – по фабуле и развитию сюжетных линий – произведение, но уже и не совсем впервые. И обнаружил перед собой не увлекательное, захватывающее, живое и яркое повествование, выдержанное в едином смысловом и стилистическом ключе, а нечто необъяснимо сумбурное, до странности неудобоваримое. Которому почему-то никак не хотелось верить! Чтобы разобраться и понять, в чем же тут дело, решение, было принято чисто филологическое, точнее – лингвистическое: взять и сверить оригинал с переводом, иначе говоря, просто сопоставить исходный и переводной тексты.

I. Вариативность, обусловленная лингвистическими факторами

Рассмотрим такой пример:

1. It wasn't easy to finish a school assignment [...] when a girl was **a werewolf**. [\[12, p. 4\]](#)

Не так-то легко готовить домашние задания [...] когда ты **вервольф**, точнее сказать – **вервольфица**. [\[13, с. 11\]](#)

Такое вполне допустимое, в принципе, уточнение (при всей спорности его конкретного выражения) можно объяснить отсутствием в морфологической системе ИЯ категории грамматического рода. Возникшая вариативность не нарушала бы инвариант перевода, если не считать недостатками, во-первых, отсутствие в лексической системе ПЯ единицы *«вервольфица», окказионализма, образованного по аналогии с парой «волк – волчица», и, во-вторых, ее явной аллюзии на «Вервольф» – террористические нацистские отряды в конце Второй мировой войны. Этой совершенно излишней исторической переклички можно было легко избежать, транслитерируя компонент *wolf*, ориентируясь не на немецкое (почему вдруг?), а на английское произношение этого одинакового по написанию в обоих языках слова – «вервулф».

Однако описанное нарушение инварианта перевода заключается не только в этом. Ближе к концу романа переводчица, похоже, и сама осознала нелепость своей находки «вервольф (-ица)», решив вдруг переименовать эту героиню просто в «оборотня», уже не тщась образовывать от него женский род. Ср.:

2. «It seemed appropriate for a woman who essentially finished her third book about **werewolves**» [\[12, p.](#)

– Он показался мне подходящим для женщины, которая в общих чертах закончила третью книгу об **оборотнях**. [\[13, с. 345\]](#)

[2661](#).

3. «I'm channeling an adult Sasha – my spoiled, greedy **werewolf** girl. Kaylee's **nemesis**.» [\[12, p. 308\]](#).

– Буду изображать взрослую Сашу: мою избалованную, жадную девицу-**оборотня**. **Немезиду** Кейли. [\[13, с. 402\]](#).

Обращает на себя внимание и не менее странный подход переводчицы к передаче в ПТ слова «nemesis». Если в начале романа оно переводилось как «заклятый враг», то в конце – как «Немезида», несмотря на все то же написание со строчной буквы, исключающее имя греческой богини. И разумеется, читателю ПТ невозможно понять, что в обоих случаях речь идет об одних и тех же персонажах, которые во всех местах подлинника обозначены одинаково. Ср.:

4. [...] her blond, beautiful **nemesis** had locked her in the science lab. [\[12, p. 4\]](#).

[...] прекрасная блондинка, ее **заклятый враг**, заперла ее в лаборатории. [\[13, с. 12\]](#).

5. Kaylee's **nemesis**. [\[12, p. 308\]](#).

Немезиду Кейли. [\[13, с. 402\]](#).

Cp.: nemesis – someone or something that continues to oppose you and cannot easily be defeated. [\[14\]](#).

Такие манипуляции с werewolf и nemesis свидетельствуют уже о вариативности не ПТ по отношению к ИТ, а о совершенно недопустимой «внутренней вариативности» самого ПТ, в котором одни и те же характеристики персонажей переводятся по-разному без всяких на то оснований. И такая ложная вариативность встречается в ПТ неоднократно.

Ср., например, аналогичные произвольные операции над простейшим, казалось бы, наречием literally, имеющим совершенно однозначные словарные эквиваленты в ПЯ – «буквально», «в прямом смысле (этого) слова»:

6. Lila dived in, happily sliding into Kaylee [...], the fury with the cheerleading, homecomingqueening, man-eating (**literally**) Sasha. [\[12, p. 5\]](#).

И Лайла с жадностью окунулась в жизнь своей героини [...], яростью на королеву чирлидеров, пожирательницу мужчин (**в переносном, конечно, смысле**). [\[13, с. 12\]](#).

7. And our friendship is written in his blood. **Not literally**, she added quickly. [\[12, p. 66\]](#).

– Наша дружба записана его кровью. **Фигурально говоря**, – поспешила добавить она. [\[13, с. 86\]](#).

8. Lila answered questions [...], and literally let out a whoosh of relief when the police told them they could go. [\[12, p. 144\]](#).

Лайла отвечала на вопросы [...] и, **фигурально говоря**, облегченно вздохнула, когда полицейские сказали, что они могут идти. [\[13, с. 186\]](#).

Такая ничем не оправданная чересчурность, а в последних трех примерах еще и противоречивость непонятно откуда взятых ошибочных антонимичных эквивалентов, не просто нарушает инвариант перевода, но грубо искажает и общий смысл текста, препятствуя его пониманию. Хотя читателю, если только в поисках истины он не откроет подлинник, останется, конечно, неведомо, что какой-то один из них на фоне другого попросту непрофессионально переведен – методом «с точностью до наоборот».

Cp.: literally – used for showing that what you are saying is really true and not just an impressive way of describing something. E.g.: Now there are literally thousands of companies using our software. [\[14\]](#).

Рассмотрим такой пример:

9. Okay, Oliver ran **hot**. **Hot** deals, **hot** women, **hot** clubs. He liked to party. [\[12, p. 22\]](#)

– О'кей, Оливер был **крут**. **Важные** сделки, женщины, клубы. Он любил тусоваться. [\[13, с. 33\]](#)

Поскольку в связи с особенностями лексических систем ИЯ и ПЯ, диапазон значений *hot*, не совпадает с его словарными эквивалентами в русском языке, причина возникшей вариативности вполне объективна: использовать повтор какого-то одинакового слова ПЯ во всех четырех случаях невозможно.

Причина же того, что два из этих четырех прилагательных так и остались вообще не переведенными, уже исключительно субъективна и совершенно очевидна: ведь если переводить их все, то к каждому из четырех существительных пришлось бы подбирать не одинаковый, например, «крутой», а свой особый контекстуальный эквивалент *hot*. Не пожелав утруждать себя этой процедурой, переводчица образовала ПТ, в котором, в отличие от ИТ, *крутой* Оливер сделки совершил **важные**, а вот женщины его устраивали, видимо, любые. Или тоже **важные**? А какими же тогда были клубы? В таком искаженном ПТ «крутизна» Оливера далеко не столь очевидна, как в подлиннике.

В качестве контекстуальных эквивалентов можно предложить следующие: «... крупные сделки, эффектные (шикарные) женщины, элитные клубы». Тогда не переданный стилистически яркий повтор эпитета *hot*, очевидно, пришлось бы отнести на счет системно-обусловленной смысловой вариативности, повлекшей за собой некоторую утрату экспрессивности этого отрывка.

Рассмотрим неудачные примеры адаптации, обусловленные системными лексическими различиями ИЯ и ПЯ, в таких развернутых пояснениях:

10. «The woman, then. What was it? **Rosemary?** »

– А женщину? Как ее имя? **Розмари?**

«**Sage. Wrong herb.** No, I didn't know either of them. » [\[12, p. 25\]](#)

– **Сейдж**¹. Нет, я никого из них не знала. Сноска:¹ **Rosemary, sage – розмарин, шалфей.** [\[13, с. 38\]](#).

Из-за того, что переводчица, решив «улучшить» (ведь не искажить же!) оригинал, почему-то опустила целое предложение ИТ (*Wrong herb*), которым автор поясняет, почему герой вдруг перепутал столь различные по звучанию имена – Сейдж и Розмари, читателю становится непонятно, при чем тут розмарин и шалфей и что это такое вообще – цветы или кустарники.

В случаях, когда пояснения в виде экспликации подразумеваемого в ИТ денотативного или стилистического значения непосредственно в ПТ нежелательны или невозможны, например, в силу большого объема дополняющей информации, постраничные сноски с пометой «Примечание переводчика» применяются довольно часто. Используя такой вид вариативности, следует уделять ей особенно пристальное внимание, так как для сохранения инварианта перевода, эти пояснения должны вносить полную ясность в содержание ИТ, могущее оказаться непонятным читателем ПТ.

В данном же случае, если он изучал не английский, а другой язык, такое пояснение в сноске ему ничего не скажет. В его понимании слово sage произносится вовсе не [seɪdʒ] и потому с именем девушки быть связанным никак не может, вообще не являясь существительным. К примеру, немецкое sage ['zage] – глагол (ich sage – я говорю). А французское sage [sa:ʒ] – прилагательное (elle est sage – она умная, мудрая или послушная). Понятно, что такие ассоциации возникнут у читателя, только если он либо знает эти языки, либо хотя бы смутно помнит свои учебные занятия. Абсолютно не ясна и не переданная в ПТ и тоже никак не поясненная в этой сноске связь между другим женским именем – Розмари и растением «розмарин», известными далеко не всем читателям. Таким образом, искаженным оказался смысл всего этого отрывка, то есть, инвариант перевода не сохранен и тут.

Но уж коль скоро сноска была дана, то все перечисленное и следовало пояснить прямо в ней. И, конечно же, ни в коем случае не выбрасывать, оставляя не переведенным, указанное предложение – единственное, что могло бы исчерпывающе пояснить читателю эту игру слов.

Ср.: herb – a plant used for adding flavor to food or as a medicine;

rosemary – a bush with narrow leaves that have a strong pleasant smell and taste, used as a herb in cooking. [\[14\]](#).

Обратимся к такому примеру:

11. «He called me **una bella donna** and gave me the most beautiful peaches.» [\[12, p. 8\]](#) – Он называл меня **unabelladonna**¹ и дарил персики. Сноска: ¹**Красивая она** (итал.). [\[13, с. 17\]](#).

Переводчице вовсе не требовалось знать итальянский язык, чтобы правильно передать это простейшее сочетание – «красивая женщина». Достаточно было открыть краткий словарик. Да и миланский глянцевый журнал *Donna Moderna* («Современная женщина»), довольно популярный в России, наверняка попадал же ей в руки хоть раз.

В любом случае, уважительно обращаться к человеку в третьем лице (как на польском языке), тем более преподнося женщине самые красивые персики – слова most beautiful тоже почему-то остались не переведенными – сопровождая это неуклюжим комплиментом «Красивая она!», конечно же, недопустимо, даже и чисто лингвистически. В результате, задуманная адаптация не достигла своей цели: неудачно образовавшаяся вариативность, не только не помогла сохранить инвариант перевода, а, напротив, лишь исказила его. В конце концов, следуя подлиннику, можно было и вообще не давать эту сноsku, поскольку из контекста понятно, что мужчину привлекала красота Лайлы.

Рассмотрим такой пример лексически обусловленной вариативности, также сопровождаемый сноской:

12. He looked down at his hands, noticed a smudge of **cerulean blue** on the side of his thumb. [\[12, p. 21\]](#) Аш уставился на свои руки. Заметил на большом пальце мазок

берлинской лазури¹. Сноска:

¹Темно-синяя краска, **открытая** в Берлине в начале XVIII в. [\[13, с. 33\]](#).

Определить, на каком основании переводчица решила заменить светло-голубую лазурь

на темно-синюю, пояснив свое решение еще и в сноске, конечно же, невозможно, да и стоит ли делать это? Аналогичных примеров мы привели (и приведем еще) уже достаточно, для того, чтобы стало совершенно ясно, что искажение подлинника – характерная черта, а точнее, лейтмотив данного перевода. Понятно, что и в данном случае это никакая не вариативность, а просто очередная грубая лексическая ошибка, нарушающая инвариант перевода. Заметим попутно, что новую краску, цвет или оттенок нельзя «открыть», а можно только создать, разработав процедуру их получения.

Ср.: cerulean – небесно-голубого цвета; лазурный; Berlin blue – берлинская лазурь. (см. Большой англо-русский словарь).

Сходный пример:

13. He lifted his beer, studied the **umber** tones under the lights. [\[12, p. 55\]](#) Он поднял стакан, рассматривая на свет **янтарный** напиток. [\[13, с. 73\]](#).

Объяснить такую вариативность, точнее – искажение смысла, связанную с ошибочным переводом, отчасти можно, конечно, наличием в английской лексической системе двух слов сходного написания, имеющих, однако, совершенно разное значение: umber – «умбра, темно-коричневая краска» и amber – «янтарь, желтый цвет». Но ведь в результате такого «смешного смешения» цветовой гаммы пенного напитка полностью нарушается и инвариант содержания, искажая описываемую ситуацию: выходит, что в центре Нью-Йорка персонажи смаковали вовсе не темное пиво «Бессиз Уайлд Хог» (Bessie's Wild Hog), а нечто, напоминающее наше родное «Жигулевское».

Рассмотрим ряд случаев, когда не просто допустимая, но и настоятельно требуемая вариативность, обусловленная системно-языковыми различиями, не была применена для необходимой культурно-прагматической адаптации реалии, что привело к нарушению инварианта перевода:

14. «Even in that mode of travel I'm like jersey .»	– Даже при таком образе путешествий я подобна джерси .
«You're like Jersey »	– Ты подобна Джерси ?
«The fabric , not the state . I'm easy care and travel well». [12, p. 248]	– Ткань. Не штат. Мало изнашиваюсь и хорошо переношу путешествия. [13, с. 323] .

Игра слов (jersey – Jersey), ясная для американца, останется не понятой читателем перевода, ибо штата Джерси, как общеизвестно, не существует, но есть Нью-Джерси, сокращенно называемый иногда Джерси, – в США, но не в России. (Ср. аналогичное «Нижний» вместо «Нижний Новгород»). Более того, у транслитерированных русских эквивалентов этих словещей разное ударение (штат – Нью-Джéрси, а ткань – джерсí), особенно заметное в режиме аудиокниги, в котором, однако, не передается заглавная буква J. Правильным переводческим решением было бы добавление двух лексем: «штату» во фразу Аша «Ты подобна штату Джерси?», превратившуюся в ПТ почему-то в вопросительную, и «Нью» во фразу Лайлы «Ткань. Не штат Нью-Джерси». Такая вариативность помогла бы, пусть только отчасти (из-за сдвига ударения), сохранить хотя бы функциональный инвариант перевода.

Аналогичный пример:

15. [...] she pointed at him. « Baker's Dozen – the bakery on West Sixteenth ».	[...] ткнула в него пальцем. – « Бейкерз Дазн ». Пекарня. Западная Шестнадцатая . – Совершенно верно. Это мое заведение. [13, с. 70] .
«That's right, that's my place» [12, p. 52] .	

Здесь подразумеваемое «улица» не выражено в ПТ эксплицитно, ввиду чего сочетание «Западная Шестнадцатая» неуместно перекликается синтаксически с «пекарней» как определение к ней. А ведь ее название семантически и стилистически тесно связано с «пекарем» (baker) – «Baker's Dozen», транслитерированное как «Бейкерз Дазн», где эта связь, очевидная для американцев, полностью утрачена в ПТ заодно со значением этого фразеологизма «чертова дюжина», намекающего клиентам о богатом ассортименте заведения, владельцем которого является герой.

Указанных упущений и тут можно было бы избежать, внеся в ПТ ряд дополнений, то есть, прибегнув к допустимой вариативности исходного текста, позволяющей сохранить функциональный инвариант содержания. Допустим, к примеру, такой: «на Шестнадцатой улице» (опустив несущественное для ПТ «Западная»). А также: «Раз пекарь угожает вас – умнете дюжину за раз» – желательно в сопровождении сноски, раскрывающей значение фразеологизма, ставшего названием этого заведения. (Ср. оценку этих пирожных геройней: Mini cupcakes [...] they're like eating nothing until **you've eaten half a dozen**. [\[12, p.12\]](#). Бисквитики, почти невесомые! Однако [...] **умяя полдюжины** [...]. [\[13, с. 22\]](#)).

II. Вариативность, обусловленная экстралингвистическими факторами

Поскольку последние два примера (14 и 15) непосредственно соотносятся еще и со специфическими особенностями страны ИЯ, перейдем к рассмотрению случаев допустимой и часто неизбежной вариативности, вызванной необходимостью культурно-прагматической адаптации реалий. Она ориентирована на обычного читателя, или «усредненного реципиента» [\[1, с.115\]](#) ввиду предполагаемого отсутствия у него фоновых знаний, необходимых для понимания отличительных черт страны ИЯ.

Такая адаптация тоже может даваться прямо в ПТ путем экспликации значений, выраженных в ИТ имплицитно, то есть, подразумеваемых, так как они хорошо понятны любому носителю ИЯ. Например:

16. « It's forecast to hit ninety-three today, and I'd say we're already there » [12, p. 85] .	– Если верить прогнозу, сегодня тридцать пять градусов жары , и я бы сказала, что прогноз верен. [13, с. 110] .
---	---

Точнее: «По прогнозу сегодня дойдет до тридцати пяти, и я бы...».

Cp.: hit – to reach a particular amount, level, or age. E.g.: She hits forty this year and we're planning a big party. [\[14\]](#).

Исходя из того, что в Америке используется не Метрическая, а Традиционная система мер США (U.S. Customary System), такая вариативность перевода является широко распространенной и вполне приемлемой для сохранения его инварианта, с точки зрения одинакового воздействия ИТ и ПТ на своих читателей. Однако, будучи раз выбранным,

такой метод, став элементом стратегии перевода, должен бы последовательно соблюдаться. Увы, в дальнейшем, как будет показано ниже, все оказалось совсем иначе.

Рассмотрим сходные примеры адаптации реалий, но уже с дополнением в виде сноски.

17. **Six feet** [...] [\[12, p. 6\]](#).

Шесть футов [...]

Сноска: ¹**Приблизительно 180 см.**
[\[13, с. 15\]](#).

17a. «She had to be about **five-nine** or **-ten**» [\[12, p.16\]](#).

– Должно быть, **пять футов девять дюймов**¹ ...или десять.

Сноска: ¹**Около 175 см.** [\[13, с. 26\]](#).

Такие пояснения тоже вполне уместны и эффективны, ибо помогают читателю ПТ сразу же представить себе рост персонажа, не отвлекаясь на пересчет футов и дюймов в метры и сантиметры. Это именно та вариативность, которая помогает сохранить инвариант перевода. Казалось бы, и этого вида адаптации переводчице также следовало придерживаться далее. Однако растерянному читателю вдруг предлагаются идентичные описания, но уже без пояснений ни в ПТ, ни в сносках:

18. «She has long hair – shoulder-blade long. She's about **five-eight** without the heels, and she doesn't have an accent» [\[12, p. 221\]](#).

– У нее длинные волосы, до лопаток. Рост примерно **пять футов восемь дюймов**, без каблуков, и у нее нет акцента. [\[13, с. 290\]](#).

19. «She was tall. **Five-ten**. I looked it up». He set the binoculars down. «Oliver was my height, **six-one**. That's **three inches** taller» [\[12, p.42\]](#).

– Она была высокой, **пять футов и десять дюймов**. Оливер был приблизительно моего роста. Значит, **дюйма на три** выше. [\[13, с. 58\]](#).

Особенно показателен в этой связи следующий пример:

20. «I'd remember that face. She's tall. Vinnie's **about six feet**, and in **the heels** they're eye level. **She's got about an inch on him**. So she's **about five-nine**. **Slim, but ripped**. I'd **know her if I saw her again**. She's playing client with a rich husband» [\[12, p. 142\]](#).

– Я бы запомнил это лицо. Она высокая. Ростом почти с Винни, чуть ниже, тут их глаза на одном уровне. Она разыгрывает клиентку с богатым мужем. [\[13, с. 183\]](#).

Здесь аналогичные цифровые данные оказались не переданными вообще. Если к тому же учесть, что в столь небольшом отрывке остались выброшенными, то есть, опять не переведенными (как и *six-one* в примере 19) три полных предложения и ряд словосочетаний, непосредственно описывающих рост персонажей в футах и дюймах, а также их внешние данные и реакцию на них героя, то говорить остается только о явно преднамеренном искажении всего содержания диалога, но, уж конечно, не о стремлении сохранить его инвариант. Ввиду чего читателю пришлось бы (не пропусти переводчица эти предложения) браться за калькулятор для таких и более детальных (в примерах 18 и 19) подсчетов: *six feet* = 183 см; *about five-nine* = ок.175 см. и т. д., и самому

домысливать текст, рисуя в своем воображении рост (about six feet) жертвы, фигуру и внешний вид (slim, but ripped) террористки.

Ср.: eye level – the same height as your eyes when you are standing. E.g.: The mirror should be at eye level. [\[14\]](#).

Таким образом, приходится опять (ср. примеры со 2 по 7) констатировать наличие совершенно не допустимой так называемой «внутренней вариативности» самого ПТ (уже безотносительно к ИТ), в котором абсолютно идентичные по форме и содержанию слова и отрезки текста либо переводятся по-разному, либо даются то с пояснениями, то без них, еще в большей степени нарушая инвариант перевода и окончательно вводя читателя в заблуждение.

В завершение этого раздела приведем такой пример:

21. «I take binoculars, so I was . . .»	– Я беру с собой бинокль, чтобы...
« Doing a Jimmy Stewart » [12, p. 26] .	– Разыгрывать Джимми Стюарта ² .
Сноска: ² Американский киноактер. [13, с. 38] .	

В целом, такая адаптация, приведшая и к некоторой вариативности ПТ по отношению к ИТ, вполне приемлема и закономерна, ибо поясняет читателю, скорее всего, не знакомую ему реалию. Разумеется, учитывая значительный хронологический сдвиг между имеющимся в виду фильмом А. Хичкока «Окно во двор» (1954) и переводимым романом (2018), можно было бы, хоть и вкратце, привести эти данные в постраничной сноски.

Важно отметить в заключение, что если трактовать понятие вариативности более широко как вообще всякое отличие ПТ от ИТ, то перевод данного романа преподнесет множество сюрпризов, нарушающих инвариант содержания в виде его грубых искажений. Разумеется, хотя бы только ради сохранения самой этой дефиниции считать такие отклонения от оригинала допустимой вариативностью нельзя. Поэтому для недопущения «размытости» этого давно устоявшегося в переводоведении строгого термина детально разбирать их нужно в специальной работе. Здесь же, ввиду ограниченности места, приведем лишь по одному подобному примеру для каждого раздела предлагаемой нами рубрикации, обозначая план построения эвентуальной статьи на эту тему.

1. Привнесение в ПТ информации, отсутствующей в ИТ (так называемая «отсебятина» или «фантазмы», искажающие подлинник):

22. «They're new clients, right? And they still tell you that kind of personal detail?»	– Они у тебя новенькие, верно? – уточнила Джули. Лайла кивнула. – И уже доверили тебе такие подробности о своей жизни?
«What can I say? I have a face that says tell me all about it. Say hello to Thomas».	– А что я могу с этим поделать? – намеренно скромно потупилась Лайла, разыгрывая мизансцену смущения. – У меня такое лицо. Вызывает доверие. – и они обе
Julie crouched to greet the cat. [12, p. 21] .	

расхохотались. – Поздоровайся с Томасом, – **отсмеявшись,** **предложила подруге Лайла.** – Мой подопечный, друг и соратник, своим загадочным видом стимулирует воображение... Джули присела на корточки и погладила киску. **Томас, прохаживаясь восьмеркой, терся о ее ноги.** [\[13, с. 16\]](#)

2. Опущение в ПТ исходной, имеющейся в ИТ информации (утрата содержания подлинника, искажающая его, т.е. «отсебятина» наоборот):

23. «I think I do. **And wow**». **She rubbed her knuckles between her breasts.** «That's a lot to think for me» [\[12, p. 303\]](#)

– Думаю, да. Я много думаю об этом. [\[13, с. 398\]](#)

Сюда же относятся и вышеприведенные примеры 9, 10, 20.

3. Непреднамеренное изменение в ПТ содержания ИТ (ошибочный перевод, искажающий содержание подлинника):

24. «Look, lock yourself **in the bathroom** if you're worried». «I will not lock myself **in the bathroom**» [\[12, p. 72\]](#)

– Если боитесь, заприте дверь **спальни**.

– Я не запрусь **в спальне**. [\[13, с. 94\]](#)

25. «Do you want a drink? I have wine, or the sun tea [...] ». «We're fine. We just had a beer, **and something occurred to me**» [\[12, p. 60\]](#)

– Хотите выпить? У меня есть вино, холодный чай [...]. – Не стоит, мы сейчас пили пиво, **так что этого пока хватит**. [\[13, с. 79\]](#)

Сюда же относятся и вышеприведенные примеры 6, 8, 12, 13.

4. Намеренное изменение в ПТ имеющейся в ИТ информации (ее полное «обесмысливание», искажающее содержание подлинника):

26. «Once I clear the cobwebs, I'm going straight out **to visit a couple of galleries** so I feel like I'm earning my keep» [\[12, p. 247\]](#)

– Как только в голове прояснится, я собираюсь **лучше тут оглядеться – здесь столько истории! По этим камням ходили великие! Ну надо же...** Нужно же почувствовать, что я отрабатываю свое содержание. [\[13, с. 321\]](#)

Как со всей очевидностью яствует из проанализированных отрывков, при переводе данного романа вариативность, допускаемая либо в силу расхождения между ИЯ и ПЯ, либо по внеязыковым, экстралингвистическим причинам, но призванная все же способствовать сохранению инварианта перевода, сплошь и рядом переходила все мыслимые границы, приводя, в конечном счете, к искажению общего смысла

подлинника.

Почти во всех рассмотренных случаях результатом этого являлась либо ошибочная, либо преднамеренная произвольно видоизмененная и следовательно, искаженная передача параллельных отрывков ИТ, приводящая в силу своей частотности и абсолютного несоответствия общему смыслу и стилю подлинника к весьма далекому от адекватности переводу. Допущенные в большинстве приведенных примеров серьезные отклонения от инварианта перевода – смысловые неточности, ошибочный перевод, неоправданное введение дополнительной или опущение имеющейся в ИТ информации и др., никак не соответствующая критериям необходимой вариативности, до неузнаваемости исказили и семантику и стилистику оригинала.

Однако, как мы стремились показать, обосновывая это в комментариях и предлагая собственные варианты контекстуальных соответствий, фактически во всех рассмотренных случаях вполне можно было адекватно передать либо непосредственно в ПТ, либо с помощью развернутых пояснений в сносках большинство описанных в ИТ ситуаций, искаженных или вообще не переданных в переводе.

Авторы выражают надежду, что приведенные в статье примеры и подробные пояснения к ним представляют теоретический и практический интерес для специалистов в области переводоведения, переводчиков и редакторов перевода художественной литературы, а также вузовских преподавателей межкультурной коммуникации и практики перевода, сопоставительной стилистики и английской лексикологии.

Представляется, что дальнейшие исследования данной области художественного перевода на материале других языков, литературных жанров и произведений приведут к созданию более полной классификации допустимой вариативности, способствующей сохранению инварианта перевода.

Библиография

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Валент, 2011. – 410 с.
2. Сдобников В.В. Инвариант перевода: миф или реальность? // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации», 25-27 февраля 2015 г. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – С. 197-208.
3. Nida, E., Taber, Ch. R. (1969). The theory and practice of translation. Leiden: E. J. Brill.
4. Нечаев Л.Г. О понятии «инвариант перевода». // Теория и практика перевода: Сборник научных трудов. Вып. 295. М.: МГПИИ им. М. Тореза, 1987.
5. Сдобников В.В. Объективное и субъективное в редактировании перевода. // Научный диалог. 2021, № 2. С. 107-126.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
7. Княжева Е.А. Оценка качества перевода. История, Теория, Практика. М.: Флинта, 2018. – 248 с.
8. Reiss K., Vermeer H. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained / Translated from German by Christiane Nord. Manchester: St. Jerome Publishing, 2013.
9. Мурзина Т.А. Перевод – редактирование: вчера, сегодня, завтра / Т.А. Мурзина // Литературоведение, лингвистика, коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований: Материалы Всероссийской (с международным участием)

- заочной научной конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. С. 93-94.
10. Петрова О.В. Существуют ли универсальные оценки качества перевода? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009, № 2. Воронеж: ВГУ, 2009.
11. Collada Ali L.C., Polledo P.G., Harmer C. Revision: Parameters and practices within the translation industry. Science Editor and Publisher. 2018;3(3-4):139-143. (In Russ.) DOI: 10.24069/2542-0267-2018-3-4-139-143
12. Roberts, Nora. The Collector. New York: Writers House LLC, 2014.
13. Робертс, Нора. Коллекционер. Пер. с англ. Т. Перцевой. – Москва: Эксмо, 2018. – 448 с.
14. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Bloomsbury Publishers Plc, 2002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Инвариант и границы вариативности как показатели адекватности перевода (на материале современной американской прозы)» посвящена детальному разбору параллельных отрезков романа “The Collector” (by N. Roberts) и его перевода на русском языке, с тем чтобы определить степень сохранения инварианта содержания исходного текста, а также допустимость введенных при переводе отклонений в виде вариативности переведенного текста и прямых искажений подлинника. Авторы ставят совершенно конкретную цель исследования, которая достигается с помощью решения трех задач. Предметом исследования работы является сравнение и детальный сопоставительный анализ отрывков оригинала и перевода, состоящих из одного или нескольких предложений или из отдельных слов и словосочетаний. Исследование характеризуется логичностью, последовательностью и аргументированностью. Основными структурными компонентами статьи являются вводная часть, которая основывается на теоретических работах по переводоведению, основной части, которая включает в себя два блока – 1) вариативность, обусловленная лингвистическими факторами и 2) вариативность, обусловленная экстралингвистическими факторами, и заключения. В основной части авторы анализируют 26 примеров, дают к ним комментарии. Этот анализ и комментарии, безусловно, будут представлять теоретический и практический интерес для специалистов в области переводоведения, переводчиков и редакторов перевода художественной литературы, а также вузовских преподавателей межкультурной коммуникации и практики перевода, сопоставительной стилистики и английской лексикологии. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что при переводе данного романа вариативность, допускаемая либо в силу расхождения между ИЯ и ПЯ, либо по внеязыковым, экстралингвистическим причинам, но призванная все же способствовать сохранению инварианта перевода, сплошь и рядом переходила все мыслимые границы, приводя, в конечном счете, к искажению общего смысла подлинника. Почти во всех рассмотренных случаях результатом этого являлась либо ошибочная, либо преднамеренная произвольно видоизмененная и, следовательно, искаженная передача параллельных отрывков ИТ, приводящая в силу своей частотности и абсолютного несоответствия общему смыслу и стилю подлинника к весьма далекому от

адекватности перевода. Допущенные в большинстве приведенных примеров серьезные отклонения от инварианта перевода – смысловые неточности, ошибочный перевод, неоправданное введение дополнительной или опущение имеющейся в ИТ информации и др., никак не соответствующие критериям необходимой вариативности, до неузнаваемости исказили и семантику и стилистику оригинала. Полученные выводы аргументированы и не вызывают сомнений. Качество представления результатов исследования на высоком уровне, к работе прилагается список литературы, насчитывающий 14 наименований. В целом работа интересная, актуальная, самостоятельная, обладает научной новизной и практической ценностью, соответствует научному стилю и жанру научной статьи. Работа соответствует всем основным требованиям, предъявляемым к научным статьям, релевантна целям журнала и будет интересна широкой читательской аудитории. На основании всего вышесказанного считаю, что данная статья может быть рекомендована к публикации.